

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Рассматриваются некоторые вопросы использования решений Страсбургского суда в практике Конституционного Суда России, проводится теоретическое обоснование взаимодействия двух судов.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; Европейский Суд по правам человека; феномен правовых позиций.

Деятельность Конституционного Суда России (КС) породила множество вопросов, требующих практического решения и теоретического обоснования. Новый институт в правовой системе государства, в отсутствие какой бы то ни было практики, традиций и обычаев, обоснованно стал предметом активного научного изучения и многих научных дискуссий. Одной из самых освещаемых в науке является проблема понимания и определения правовых позиций в решениях КС. Обилие работ по этой проблеме не привело к появлению единого определения либо обобщенного понятия, совокупность элементов которого можно было бы в сумме назвать «правовыми позициями Конституционного Суда России». Более того, в определенный момент в его решениях появилось еще одно понятие, очевидно коррелирующее к понятию «правовые позиции КС»: речь идет об использовании в тексте решений КС сочетания «правовые позиции Европейского Суда по правам человека» (ЕСПЧ). Само взаимодействие КС с ЕСПЧ – чрезвычайно важный для правовой системы России механизм, позволяющий привести внутригосударственный стандарт в области прав человека к общеевропейскому уровню. КС решает на внутригосударственном уровне задачу равную той, что решает в общеевропейском масштабе ЕСПЧ – защищает права человека. Хотя два этих института взаимно не соподчинены [1. С. 59–73], без их активного взаимодействия прогресса в улучшении внутригосударственных правовых механизмов защиты прав и свобод человека достичь будет намного сложнее.

В мире сегодня доминирует модель, при которой международные и национальные суды действуют параллельно, решая часто аналогичные дела, но руководствуясь разными источниками права. Если это прямо не запрещено, то суды вполне могут обращаться к решениям друг друга с целью принятия во внимание аргументов или даже использования решения другого суда в основе собственного. В рамках господствующей модели взаимодействие судебных органов может осуществляться несколькими способами.

Л. Гарлицкий [2. С. 44] предлагает три вероятных сценария взаимодействия двумя независимыми судебными органами: единство позиций, близость позиций, когда один судебный орган идет навстречу другому для выработки единого подхода к проблеме или к решению спорного вопроса. Наконец, третий сценарий, менее вероятный, но вполне возможный – это конфликт. В качестве примера можно привести дело Гёргиюлю против Германии, при решении которого возникли серьезные разногласия между Федеральным Конституционным Судом Германии и Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ, Страсбургский суд) [3. С. 553–568].

Ситуации, когда Страсбургский суд не соглашается с мнением национального суда, происходят периодически, но, как правило, последний не стремится вступать в полемику.

Применительно к реализации института защиты прав человека в государствах Западной Европы используется термин «многомерность» (multidimensionality). Развитие института защиты прав человека получило свое активное развитие в государствах Европы после Второй мировой войны, когда в конституции большинства государств были включены разделы, посвященные правам человека, и, помимо того, свое развитие получили судебные механизмы защиты прав и свобод человека. В это же время в Европе зародились две наднациональные организации: Совет Европы и Европейские Сообщества (в настоящее время – Европейский Союз). С течением времени обе эти организации разработали собственные системы защиты прав и свобод человека и создали судебные механизмы защиты этих прав и свобод. В результате в Европе образовалось три различных системы, в рамках которых права и свободы человека получили закрепление и судебную защиту. И что самое главное – между собой данные системы не были никоим образом гармонизированы. Они действуют параллельно, что и было названо «многомерностью» защиты прав человека [4. С. 511].

Применительно к Российской Федерации мы не можем говорить о трех параллельных системах защиты прав и свобод человека, т.к. Россия не является членом Европейского Союза (Сообщества) и не попадает под юрисдикцию Суда ЕС (Court of Justice). В отношении России можно использовать термин «двухмерность» защиты: на уровне национальных судов и на уровне ЕСПЧ. Сам по себе факт, что РФ не попадает под юрисдикцию Суда ЕС, следует оценивать с двух сторон: к негативным сторонам можно отнести отсутствие дополнительного органа, следящего за соблюдением прав и свобод человека, что расширило бы защиту прав человека (если не качественно, то количественно), к позитивным определенно следует отнести отсутствие вероятных конфликтов между сразу тремя несогласованными системами. Следует отметить, что в странах, попадающих под юрисдикцию обоих наднациональных судебных органов (ЕСПЧ и Суда ЕС), довольно остро стоит вопрос, к примеру, о границах возможного вмешательства ЕСПЧ в деятельность ЕС и возможности рассмотрения им дел на основе права Сообщества. Пока что Россия вне поля такого рода конфликтов, но нет гарантий, что аналогичная ситуация не сложится в будущем.

Таким образом, защита прав и свобод человека в РФ носит двухмерный характер, что несколько отличает ее

от большинства (но не всех, а только членов ЕС) стран Европы. Но главное, что в основном защита прав человека носит параллельный характер и непосредственное соприкосновение судов вероятно, скорее, в спорных случаях, именно они несут в себе наибольший потенциал для сотрудничества, тогда как обычное отправление правосудия может вообще не влечь за собой непосредственного взаимодействия ЕСПЧ и национальных судов.

Отсюда проистекает актуальность выявления конкретных способов восприятия практики Страсбургского суда в решениях КС. В своей деятельности он использует различные международные правовые акты, однако если говорить о решениях международных судебных органов, то используются решения ЕСПЧ. Ссылка на них производится с использованием формулировки «правовые позиции ЕСПЧ». Этот механизм необходимо изучить и понять, провести сравнение на предмет схожести и различий между правовыми позициями КС и правовыми позициями ЕСПЧ. Важно помнить о том, что эти решения и, больше того, основы, на которых действует данный судебный орган, отличаются от тех, на основе которых функционируют суды в России. В России общепризнанно главенствует нормативно-правовой акт, естественно доминирующий в рамках романо-германской правовой системы, тогда как ЕСПЧ имеет в своем арсенале крайне нестандартный набор источников права. Формально он руководствуется лишь одним документом – ЕКПЧ. В этом его принципиальное отличие от национальных судов, имеющих в своем распоряжении национальные (внутригосударственные) и международные источники права. Однако без анализа законодательства государств, выступающих стороной в деле, разобраться в полной мере в деле не представляется возможным. По этой причине ЕСПЧ обращается к внутреннему праву государств, однако не с целью его применения, а для более полного и всестороннего анализа и оценки обстоятельств рассматриваемого дела, «Суд не может не обратиться к нормам внутреннего права, имевшим значение в данном деле...» [5. С. 47]. Среди прочего ЕСПЧ нередко обращается и к судебной практике государства. Разумеется, внимание уделяется в первую очередь решениям высших судов в государстве: верховных или конституционных.

ЕСПЧ и суды РФ не могут не взаимодействовать при отправлении правосудия, но и не соприкасаются при этом прямо. ЕСПЧ обращается к практике высших судов России, т.к. без этого он часто не способен в полной мере дать оценку внутреннему законодательству России. В большинстве случаев найти толкование того или иного нормативно-правового акта, с тем, что бы оно носило легальный характер и было связано с практикой, нигде, кроме как в судебных решениях, и невозможно. Главным образом внимание Страсбургского суда сосредоточено на деятельности высших судов в государстве, что в случае России, в частности, означает КС. Последний привязан к решениям ЕСПЧ юридически: Конвенция может быть применена исключительно в том виде, в котором ее понимает и трактует ЕСПЧ. В этом смысле национальные суды куда в большей мере обращены к ЕСПЧ, нежели он к ним, в силу того, что их «привязанность» носит характер юридической обязанности. Национальные судеб-

ные органы «связывают», осознанно лишая их права свободного применения Конвенции, и оставляя за ЕСПЧ – наднациональным институтом – право устанавливать единообразное понимание Конвенции.

На взаимодействии двух систем защиты прав и свобод человека сказывается и уникальная специфика, появление которой обусловлено особенностями национальной правовой системы Российской Федерации. Детализируя «особенности» правовой системы России, оказывающие влияние на взаимодействие судов РФ с ЕСПЧ, следует обратить внимание на построение системы органов судебной власти, место и место ЕКПЧ в национальном законодательстве. На основе этих факторов складывается уникальная модель взаимодействия судов России и ЕСПЧ, отличная от моделей его взаимодействия с национальными судебными органами других стран.

В.В. Лазарев и Е.Н. Мурашова в совместной работе выделяют три основополагающих фактора, на основе которых формируются особенности применения Конвенции и решений ЕСПЧ национальными судебными органами. Это правовая система, функционирующая в государстве; место международного права в его соотношении с национальным правом государства согласно его законодательства и роль и место различных органов государства, в зависимости от чего обязательность решений ЕСПЧ будет по-разному влиять на деятельность ветвей власти [6. С. 111]. Предложенную классификацию можно взять за базовую для изучения специфики взаимоотношений судов РФ в целом и КС в ЕСПЧ в частности.

В Российской Федерации существует ряд проблем, связанных с применением решений ЕСПЧ. Их статус до сих пор никак не закреплен в российском законодательстве, «не прописана формами их обязательности и степень обязательности ...нет прямого указания на их юридическую силу» [6. С. 115] и, наконец, судьи КС, как, впрочем, и все остальные судьи в Российской Федерации никогда не имели опыта работы с подобными источниками, статус которых в российской правовой системе уже сам по себе – предмет бурных дискуссий [7]. Но при прочих равных, из всех судов с решениями ЕСПЧ был готов работать конституционный: это единственный судебный орган, который активно ссылается на собственные решения, вынесенные ранее. Не удивительно, что для работы с решениями ЕСПЧ была выбрана привычная, в некотором смысле «обкатанная» форма.

«Правовая позиция» применительно к решению ЕСПЧ достаточно точно характеризует явление в том качестве, в котором оно было воспринято и нашло свое закрепление в практике КС, т.е. это изначально не присущая и не свойственная характеристика решения ЕСПЧ, которой наделил их КС. Цель, для которой они были наделены ею, – это приемлемость их в таком виде для работы.

Исходить следует из наделения решений ЕСПЧ качеством «правовых позиций» (что не означает тождественности правовых позиций КС и правовых позиций ЕСПЧ), а не наоборот. Д.С. Власов высказал мнение, что «правовые позиции» – категория, присущая практически всем международным судебным органам в том или ином виде, с допущением вариаций в ее юридиче-

ском наименовании. Автор считает, что правовые позиции присутствуют в решениях Международного Суда ООН, Экономического суда СНГ, ЕСПЧ. Непосредственно «позиция» встречается в различном виде во многих решениях ЕСПЧ: как «позиция стороны», «позиция судьи» и т.д. При этом автор выделяет «правовую позицию» как концепт, частными случаями которого являются правовые позиции отдельных судов – к примеру, конституционной спецификой обладают правовые позиции КС [8. С. 14].

У этой теории есть недостатки, которые нельзя не заметить. Распространять значение понятия на явления, которые оно никогда не охватывало, крайне сложное занятие, тем более, на ряд явлений, друг с другом не связанных. Начнем с того, что изначально существовал ЕСПЧ, в учредительных документах которого сказано о роли и месте его решений и ничего о «правовых позициях». За полувековую историю его работы данный термин (или какой бы то ни было его аналог) так и не был использован применительно к его практике. В то же время его решения были, есть и будут актами, развивающими и дополняющими Конвенцию.

«Правовые позиции» – термин, возникший в российской юриспруденции для описания определенного явления в работе КС, обоснование чему было приведено в работе ранее. В международном праве этого термина или аналогичного ему объективно не существует не только применительно к деятельности ЕСПЧ. Само понятие «правовые позиции ЕСПЧ» следует рассматривать как явление, рожденное в российской правовой системе. Надо понимать, что правовые позиции возникли в российском конституционном праве России, со всеми присущими только им чертами. Искать их в решениях междунароного органа дело неблагоприятное. Надо смириться с тем фактом, что применяя этот термин, КС не наделяет решения Страсбургского суда каким то новым, неизвестным качеством, а лишь указывает на методику работы с этими актами. Следовательно, сами «правовые позиции ЕСПЧ» – это не аналог правовых позиций КС по сути, но именуется они именно так в силу удобства применения. Аналогичным

путем пошел и ВС РФ, который так же использует термин «правовые позиции ЕСПЧ».

Таким образом, целесообразность использования термина «правовые позиции ЕСПЧ» можно обосновать необходимостью КС работать с решениями Страсбургского суда. Подчеркнем: базовым понятием, в любом случае, будут правовые позиции КС. Правовые позиции ЕСПЧ наделяются их качествами, а отнюдь не наоборот. Никакие «правовые позиции ЕСПЧ», аналогичные «правовым позициям Конституционного Суда», в практике Страсбургского суда не существуют. Д.С. Власов, напротив, априори выделяет в его решениях правовые позиции, которые, по его мнению, всегда там были, с чем нельзя согласиться.

Не представляется возможным на основе обобщения некоторых положений, касающихся деятельности ряда международных и национальных институтов вывести понятие «правовые позиции», частным случаем которого будут правовые позиции КС. При необходимости поставить знак равенства между его правовыми позициями и решениями ЕСПЧ, необходимо отталкиваться от первичного явления, т.е. правовых позиций КС, а не делать попытки создать обобщающее понятие, которое бы включило в себя правовые позиции ЕСПЧ и КС как частные проявления одного и того же явления.

Взаимосвязь между ними неоспорима, т.к. правовые позиции ЕСПЧ появились в результате поиска КС способа оформления обращения к его решениям. Сущность правовых позиций ЕСПЧ можно выявить, проведя сравнительный анализ использования двух терминов в решениях КС. Зная основные характеристики его правовых позиций, особенности их использования и применения, представляется возможным оценить, следуя тем же критериям, правовые позиции ЕСПЧ. Нельзя оставлять без внимания и тот факт, что КС предпочитает обращаться к решениям Страсбургского суда не только через правовые позиции, более того сотрудничество двух судов вышло за десятилетие на принципиально новый уровень, степень взаимопроникновения их практики достигло значительного прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладышева С.С.* Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд Российской Федерации: сотрудничество по горизонтали или вертикальный контроль? // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 59–73.
2. *Гарлицкий Л.* Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 43–53.
3. *Beljin S.* Bundesverfassungsgericht on the Status of the European Convention of Human Rights and ECHR Decisions in the German Legal Order. Decision of 14 October 2004 // European Constitutional Law Review. 2005. № 1. P. 553–568.
4. *Garlicki L.* Cooperation of courts: The role of supranational jurisdictions in Europe // ICON. July/October 2008. Vol. 6. P. 509–530.
5. *Туманов В.А.* Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001. 204 с.
6. *Лазарев В.В., Мурашова Е.Н.* Место решений Европейского Суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 110–124.
7. *Марченко М.Н.* Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 96–107.
8. *Власов Д.С.* О понятии правовой позиции международных судов // Российский юридический журнал. 2005. № 2. С. 12–20.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 сентября 2009 г.